

202
938

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ИМПЕРАТОРЪ.

ИИ. ИИИ.

ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
на Мѣдовой улицѣ № 487.

1873.

Дозволено Пензурою,
Варшава, 31 декабря 1872 г.

Государственная
Библиотека
СССР
Изд. Д. В. Кривин

40830-50

В

1872

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ужъ какъ свѣтеть-радошень во Москвѣ
Благовѣрный Царь Алексѣй-сударь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына-Царевича,
Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе плотники—мастеры
Во всю ночьку не спали,
Колыбель-люльку дѣлали
Они молодому Царевичу;
А и нянюшки-матушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,—
Ширинку ¹⁾ вышивали
По бѣлому, рытому бархату
Онѣ краснымъ золотомъ;
А и тюрьмы съ покаянными ²⁾
Онѣ всѣ распущались,
А и погребы Царскіе

¹⁾ Ширинка—платокъ.

²⁾ Покаянные—несчастные.

Они всё растворялися.
 У Царя благовѣрнаго
 Шель пирь и столъ на радости;
 А и Князи собиралися,
 Бояре съѣзжалися,
 И дворяне сходилися,
 И весь народъ Божій на пиру,—
 Пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются.....

Такъ воспѣваетъ русскій народъ рожденіе Царя Петра, ставшаго первымъ Императоромъ на Руси и названнаго Великимъ. И въ этой народной пѣснѣ много правды. Утромъ 30 Мая (1672 г.) колокольный звонъ возвѣстилъ Москвѣ о приращеніи царскаго семейства. Въ пять часовъ набожный Царь Алексѣй былъ уже въ соборѣ, чтобы возблагодарить Бога за дарованнаго ему сына и поклониться праху своихъ родителей; затѣмъ онъ принималъ поздравленія и жаловалъ приходившихъ къ нему водкою, закусками и лакомствами и дважды угощалъ въ своемъ дворцѣ выборныхъ отъ всѣхъ сословій: „весь народъ Божій былъ на пиру“.

Мать Петра, Наталья Кирилловна, была изъ рода дворянскаго, но не богатаго, Нарышкиныхъ; она была второй супругой Царя Алексѣя Михайловича, который отъ перваго брака имѣлъ многихъ дочерей и двухъ царевичей, — Федора и Ивана.

Петру было 4 года, когда скончался его отецъ. По древнему обычаю государемъ сдѣлался послѣ покойнаго Царя старшій царевичъ, Федоръ, а для Петра съ его матерью наступили черные дни. Федоръ былъ молодъ и слабъ здоровьемъ; по недостатку силъ онъ многого не могъ дѣлать самъ, а по молодости своей слишкомъ много довѣрялъ своимъ совѣтникамъ и дѣлалъ иное такъ, какъ указывали ему его дядя и другіе родственники его матери, Милославскіе, — Милославскіе же находились во враждѣ съ На-

рышкениными, родственниками Петра, и успѣли возбудить противъ нихъ все царское семейство.

Тяжело становилось жить вдовствующей царицѣ во дворцѣ покойнаго супруга своего. Взрослыя дочери его отъ перваго брака и родственники новаго Царя дѣлали ей непріятности и наговаривали Ѳедору на ея родственниковъ и друзей. Первый другъ ея, и другъ Царя Алексѣя, человекъ, у коего она жила нѣсколько лѣтъ и изъ чьего дома взялъ ее въ свои палаты покойный Царь, былъ сосланъ по наговорамъ враговъ. Ее самоѣ корили незнатностью происхожденія, смѣялись надъ бѣдностью ея родителей, говорили, будто въ молодости она „въ лаптяхъ ходила“. Не желая встрѣчать лица непривѣтливыя и слышать рѣчи неласковыя, царица Наталья переселилась изъ большихъ Кремлевскихъ палатъ въ подмосковное село Преображенское, гдѣ стала вести одинокую, истинно вдовью жизнь, и гдѣ единственной радостью ея былъ молодой царевичъ Петръ. Онъ росъ, какъ говорится въ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ: черные глаза его горѣли огнемъ, на щекахъ игралъ здоровый румянецъ, онъ былъ выше ростомъ, шире въ плечахъ и сильнѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, раздѣлявшихъ его игры.

Между тѣмъ Царь Ѳедоръ, хилый съ самаго дѣтства, скончался. Старшихъ изъ двухъ оставшихся царевичей былъ Иванъ, еще болѣе хилый, чѣмъ Ѳедоръ: будетъ ли ему подъ силу, разсуждали въ Москвѣ, править царствомъ? Не нарушить ли старый обычай первородства ради цвѣтущаго здоровья и силами младшаго Царевича?

Пока московскіе люди всякаго званія стекались во дворецъ, чтобы дать послѣднее цѣлованіе усопшему Царю, бояре, царедворцы и высшее духовенство собрались въ одной изъ палатъ царскаго дворца чтобъ помыслить, кого возве-

сти на осиротѣлый престоль. Патріархъ, ¹⁾ положивъ одну руку на Евангеліе, а въ другой держа животворящій крестъ, сказалъ собравшимся сановникамъ:

„Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не осталось, но остались братья его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбью ²⁾ и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девятилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ престола російскаго? Кого наменуемъ въ Цари Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи? Единный или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобы сказали истину по совѣсти, какъ передъ престоломъ Божиимъ. Кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій Іуды“. Въ отвѣтъ на это увѣщаніе присутствующіе назвали Петра. Тогда престарѣлый свѣтитель, сопутствуемый чномъ духовнымъ, свѣтскими сановниками и царедворцами, вышелъ на Красное Крыльцо Московскаго дворца, у ступеней коего толпился народъ. При видѣ этого торжественнаго шествія смолкнулъ смутный говоръ толпы; головы обнажились, и посреди глубокаго безмолвія Патріархъ произнесъ:

„Извѣстно вамъ, благочестивые христіане, что благословенное Богомъ Царство Русское было подъ державою блаженныя памяти великаго Государя, Царя Михаила Ѳеодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженныя памяти Царь Алексѣй Михайловичъ. По его преставленіи былъ воспріемникомъ престола благочестивый Государь Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Россіи. Нынѣ же, соизволеніемъ Всевышняго, переелился онъ въ вѣчный покой, оставя братьевъ, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ нихъ, царевичей,

¹⁾ Патріархъ (нынѣ это званіе не существуетъ) былъ главою всего русскаго Православнаго духовенства.

²⁾ Скорбь—болѣзнь.

кому быть Царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе“.

И здѣсь, на площади, повторилось то же что во дворцовой палатѣ: толпа произнесла тысячью своихъ устъ имя Петра. Патріархъ осѣнилъ знаменіемъ креста народъ и спросилъ: „Ему единому, или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?“ И голосъ народа отвѣтствовалъ: „да царствуетъ одинъ“.

Событія однако скоро измѣнили это рѣшеніе:

Въ числѣ дочерей Царя Алексѣя была одна, Софія, которая разсчитывала властвовать, если царемъ будетъ ея единоутробный братъ Иванъ. Избраніе Петра крайне раздражило ее, а потому, когда оно сдѣлалось ей извѣстнымъ, она стала горько порицать приговоръ, призвавшій Петра на царство, и жаловаться, что онъ нарушаетъ право старшинства. Милославскіе повторяли то же самое среди своихъ друзей и родственниковъ, а тѣ въ свою очередь разносили эти толки по Москвѣ. Въ умахъ стало обнаруживаться замѣшательство, а стрѣльцы, тогдашнее войско, жившее особыми слободами, стало собираться у своихъ съѣзжихъ домовъ ¹⁾ шумными толпами, среди которыхъ нерѣдко видѣли людей, утверждавшихъ, что старшій царевичъ обманомъ и насиліемъ лишенъ престола. Такія слова раздражали стрѣльцовъ, а тѣ которые этого именно и добивались, подкидывали, что называется, масла въ огонь, и давали чувствовать, что царевичъ Иванъ можетъ лишиться и жизни, какъ лишился престола.

Такія лукавыя рѣчи держали люди подсылаемые Милославскими. И вотъ однажды двое изъ такихъ людей опрометью прискакиваютъ въ стрѣлецкія слободы и кричатъ, что—царевича Ивана задушили злодѣи Нарышкины.

¹⁾ То что нынѣ полковныя или ротныя дворы.

Стрѣльцы вспыхнули, схватили свои копья, ударили въ набатъ и бросились ко дворцу. „Изведемъ, кричали они, всѣхъ измѣнниковъ и губителей царскаго рода“.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстно во дворецѣ, что стрѣльцы бѣгутъ къ Кремлю вооруженными толпами, тамъ распространилось величайшее смущеніе. Къ несчастію, раздраженнымъ стрѣльцамъ попались на глаза въ числѣ первыхъ нѣсколько нелюбимыхъ и дурно обращавшихся съ ними начальниковъ. Они кинулись на нихъ и растерзали. Затѣмъ, ворвавшись во дворецъ, они разсыпались по комнатамъ ища Нарышкиныхъ. Всѣ съ ужасомъ кинулись тогда изъ царскаго жилища, потому что стрѣльцы, какъ бы опьянѣлые, убивали попадавшихся имъ, принимая нерѣдко одного за другаго—Нарышкиныхъ и не Нарышкиныхъ. Иные грабили комнаты во дворецѣ, другіе кинулись разбивать погреба и, возбуждаемые виномъ, разсыпались по всей Москвѣ искать лиходѣевъ, а между тѣмъ вездѣ предаваясь неистовствамъ.

Три дня продолжалась эта кровавая неурядица; кончилась же она провозглашеніемъ царевича Ивана Царемъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ царствовалъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ; а такъ какъ Иванъ Алексѣевичъ былъ слабъ и тѣломъ и духомъ, то его именемъ стала править сестра его, царевна Софія, которая втайнѣ руководила и Милославскими и стрѣльцами. Вдовствующая царица, которая переѣхала было въ Москву послѣ кончины Федора Алексѣевича, теперь, когда Софія заняла первое мѣсто у престола, снова удалилась въ Преображенское съ дѣтьми своими, дядьками молодого Царя и немногими близкими ей людьми.

Здѣсь, въ Преображенскомъ, обнаружилась первые признаки необыкновенныхъ способностей будущаго Императора Россіи. Петра учили мало и плохо: на шестнадцатомъ году онъ съ трудомъ выводилъ буквы и не зналъ твердо

четырёхъ правилъ ариѳметики. Это была вина его учителей, а ещё болѣе вина его времени: тогда государи самыхъ образованныхъ народовъ всю жизнь свою не достигали умѣнья правильно писать на своемъ родномъ языкѣ. Но если Петръ немногому научился у своихъ учителей и зналъ менѣе, нежели иные его сверстники изъ частныхъ людей, то душа его рвалась къ знанію, и каждый любопытный предметъ вызывалъ его на размышленія; то, что другимъ представлялось пустой забавою, становилось для него серіознымъ дѣломъ.

Ему было четырнадцать лѣтъ, когда одинъ сановникъ какъ-то сказалъ при немъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно въ минуту, и не прибѣгая къ мѣрѣ, исчислить разстояніе между предметами, находящимися въ нѣсколькихъ верстахъ одинъ отъ другаго. ¹⁾

— Славная штука, сказали сѣдобородые бояре, слышавшіе этотъ рассказъ, и перестали о немъ думать.

Но Петръ присталъ къ рассказчику: „покажи-де этотъ инструментъ“.

— Да онъ пропалъ, отвѣчалъ тотъ.

— „А гдѣ бы достать такой же?“

— У насъ его не достанешь; надо изъ—за моря выисывать.

— „Итъ—выинши изъ—за моря,“ сказалъ Петръ настойчиво.

Выписали диковинный инструментъ; привезли въ Преображенское. Но вотъ бѣда: никто не знаетъ, какъ за него взяться, какъ его собрать, свинтить, поставить и какъ дѣйствовать имъ. Инструментъ лежитъ день, лежитъ другой; кто ни подойдетъ къ нему — пожметъ плечами, и прочь. Наконецъ нашелся въ Московской Нѣмецкой Слободѣ такой

¹⁾ Этотъ инструментъ имѣется теперь у каждаго землебра; онъ называется *астролябія*.

искусникъ, что собралъ астролябію и объявилъ, что можетъ съ ея помощью измѣрить разстояніе между двумя предметами, не подходя къ нимъ близко. Царь въ восхищеніи, и требуетъ, чтобъ его немедленно научили дѣлать то же самое. Но это оказалось невозможнымъ, потому что для измѣренія посредствомъ астролябіи надо знать ариметику и даже геометрію.

— Ну чтожь, станемъ учиться геометріи и ариметикѣ, восклицаетъ Петръ, и принялся за работу такъ усердно, что скоро научился дѣйствовать астролябіей не хуже своего учителя.

Другой случай.

Петру было шестнадцать лѣтъ, когда, прогуливаясь по одному изъ подмосковныхъ сель, онъ замѣтилъ лодку, непохожую на тѣ, которыя ему случалось видѣть прежде.

— Что это за лодка?

— Вотъ Англійскій, отвѣчаютъ ему.

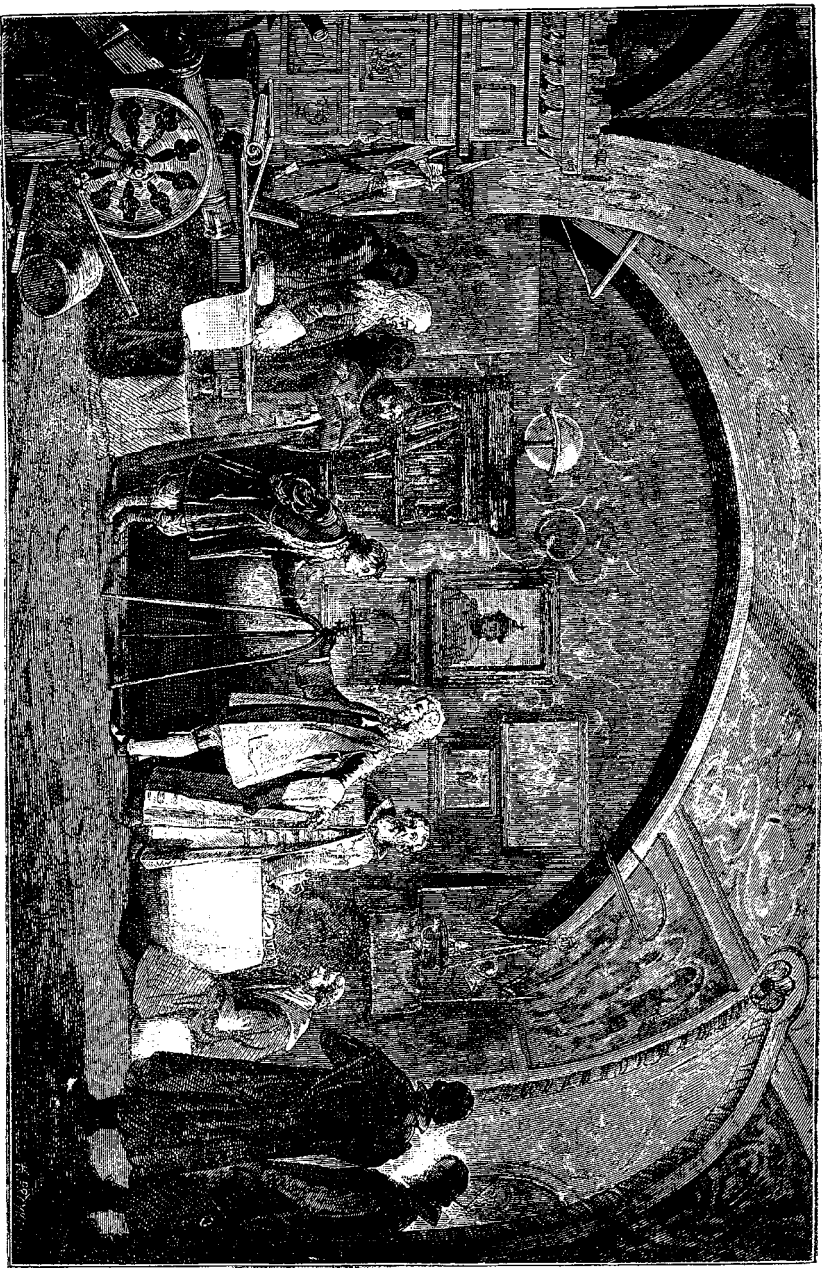
— А отчего въ Англійской землѣ лодки строятъ не такъ, какъ у насъ? Лучше онѣ, что ли, нашихъ?

— Какъ не лучше! Наши надо тянуть противъ теченія бичевой, а этотъ боть самъ идетъ не только противъ теченія, но и противъ вѣтра.

— Чудное это дѣло! воскликнулъ Петръ. Я хочу посмотреть, какъ этотъ боть ходитъ противъ вѣтра и теченія.

Нелегко было исполнить желаніе молодаго Царя, однако, посправивъ хорошенько, нашли человѣка, который вычинилъ старый боть, придѣлалъ къ нему руль, поставилъ мачту и приладилъ къ ней парусъ. Перевезли боть изъ сарая на рѣчку Яuzu, спустили на воду и—о чудо!—парусъ надулся, и судно поплыло противъ теченія. Поставили парусъ инымъ образомъ, пошевелили рулемъ, — и новое чудо!—ботъ пошелъ противъ вѣтра. Съ того времени боть сдѣлался любимой забавой и неусыпной заботой Петра. Петръ скоро замѣтилъ, что Язуза слишкомъ узка для судна и что ему трудно поворачиваться въ ней. Пожеланію Петра

Примерять обличіе по долю Любу уіопреділеніе астрологичі, прівісеніи нѣтъ зачрвннцн.

перевезли боть на прудъ, но и здѣсь просторъ небольшой. Гдѣ разбѣжаться повеселѣвшему и помолодѣвшему ботику? А Петръ хочетъ во что-бы-то-ни-стало видѣть его на полномъ ходу и дѣлающимъ повороты съ разбѣга.

Верстахъ въ ста отъ Москвы есть довольно большое озеро; Петръ рѣшился на немъ устроить большое плаваніе и соорудить для этого, вмѣсто маленькаго ботика, нѣсколь-ко большихъ судовъ. Но эта новая потѣха Петрова встрѣтила порицаніе со стороны сѣдыхъ царедворцевъ: кстати ли, говорили они, Царю благочестивому ѣхать не вѣсть куда, и за какимъ дѣломъ? Царица Наталья Кириловна тоже не очень была довольна страстью своего сына къ мореходству и поспѣшила женить его, въ надеждѣ этимъ привязать его къ дому; но эта надежда не оправдалась: едва прошелъ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы какъ Петръ уже скачетъ по весенней ростополи на Переяславское озеро, чтобы взглянуть на дорогія свои суда. Увидя ихъ, онъ писалъ Царицѣ-Матери: „я обрадовался, какъ радовался Ной о масличной вѣтви!“

Наступила весна, озеро вскрылось, и Петру удалось поплавать на новостроенныхъ судахъ. Но что такое эти небольшія, неискусными руками сдѣланныя суда! Великъ-ли просторъ на озерѣ? То-ли дѣло океанъ-море, по которому ходятъ волны, какъ горы, и гдѣ плаваютъ настоящіе корабли, величиной съ большой домъ, вооруженные пушками! Вотъ на такихъ-то корабляхъ поплавать бы, по такимъ-то волнамъ поноситься бы!

Но такихъ кораблей никогда въ Россіи не строили, да и моря у насъ въ то время не было, кромѣ сѣвернаго, такъ же какъ другаго приморскаго города, кромѣ Архангельска; а отъ Москвы до этого города болѣе 1200 верстъ пути, пролегавшаго по дремучимъ лѣсамъ, по краю очень мало населенному, гдѣ жильѣ отъ жилья отстояло иногда верстъ на сто. Что нужды! Петръ отправился въ Архангельскъ. Онъ плылъ на баркахъ по пустыннымъ рѣкамъ, ѣхалъ

въ колымагахъ по лѣснымъ, почти непроѣзднымъ дорогамъ и наконецъ увидѣлъ завѣтное море, увидѣлъ корабли съ ихъ бѣлыми парусами, нагруженные товарами, которые изъ Англiи, изъ Голландiи и другихъ странъ посылались въ Архангельскъ въ обмѣнъ на нашъ лѣсъ, канаты, смолу, ленъ и т. п. Здѣсь же Петръ увидѣлъ и первый военный корабль, т. е. корабль огромнаго размѣра, снабженный пушками. Такіе корабли необходимы, чтобъ охранять отечественную морскую торговлю, защищать родные берега отъ непріятеля, и, въ случаѣ войны, перевозить войска на берега непріятельской земли.

Въ Архангельскѣ Петръ заложилъ нѣсколько такихъ кораблей, первыхъ русскихъ военныхъ кораблей, родоначальниковъ русскаго военнаго флота, который менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ по своему основанiю, господствовалъ на Балтійскомъ морѣ, охранялъ новопріобрѣтенныя тамъ земли наши и перевозилъ русскія войска на берега Швеціи (съ которой мы были тогда въ войнѣ),—родоначальниковъ славнаго, грознаго флота, которымъ самъ Петръ лично нѣсколько разъ начальствовалъ въ бою.

И такъ, вотъ къ чему привело то, повидимому, ничтожное обстоятельство, что Петръ однажды увидѣлъ старое судно въ сараѣ Измайловскаго подмосковнаго села! Сотни людей проходили мимо этого судна, сотни людей его видѣли, и ни въ комъ старыи брошенный боть не возбудилъ никакой мысли; но случайно увидѣлъ его Петръ, и въ немъ создадась мысль о русской морской торговлѣ и русскомъ военномъ флотѣ, — и мысль эта созрѣла и принесла плодъ, какъ доброе зерно зрѣеть въ благословенной Богомъ почвѣ.

Въ тѣ времена, о коихъ здѣсь говорится, у каждаго, даже небогатаго помѣщика, была многочисленная дворня, и при каждомъ барченкѣ состояла пѣлая свита дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми онъ игралъ, пускалъ на воздухъ змѣя, доставалъ птичьи гнѣзда съ деревъ, ловилъ птицъ въ силки и т. п. Дѣтскія игры царевичей раздѣляли на дворовые мальчишки, а сыновья царедворцевъ. И у Петра тоже были товарищи, съ которыми онъ забавлялся, проживая въ Преображенскомъ; но забавы его были особаго рода: онъ игралъ съ ними въ солдатики. Чтожъ въ этомъ замѣчательнаго, казалось бы? Замѣчательно то, что, благодаря дѣтской игрѣ Петра въ солдатики, въ Россіи образовалась стройная армія, какой мы не имѣли до того времени, точно также какъ, благодаря его охотѣ кататься на парусномъ ботикѣ, образовался у насъ военный флотъ.

Петръ не только выстраивалъ въ шеренгу своихъ товарищей и забавлялся съ ними, подражая стрѣльцкому строю, но, узнавъ что въ другихъ государствахъ войско иначе и лучше обучено, чѣмъ въ Россіи, началъ подражать иноземному военному ученью и заводить такой же строгій порядокъ, такое же вооруженіе, такую же одежду. Забава его не замедлила принять такимъ образомъ серьезный видъ. Не довольствуясь десяткомъ или двумя сыновей своихъ царедворцевъ, онъ набиралъ себѣ потѣшныхъ изъ дѣтей придворныхъ служителей, изъ молодыхъ парней всякаго званія и наконецъ набралъ ихъ столько, что уже невозможно было помѣстить ихъ въ Преображенскомъ. Тогда онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ роты, изъ коихъ одну помѣстилъ въ Преображенскомъ, и другую въ Семеновскомъ подмосковномъ селѣ, и эти двѣ потѣшныя роты были зерномъ двухъ старѣйшихъ полковъ русской гвардіи, по образцу коихъ была устроена впоследствии вся наша армія. Ставя княжескаго или боярскаго сына въ строй рядомъ съ сыномъ придворнаго конюха, Петръ требовалъ отъ нихъ равно строгаго, неуклоннаго исполненія солдат-

скихъ обязанностей;—мало того: онъ самъ—царскій сынъ и Царь вѣнчанный, подавалъ имъ примѣръ, самъ становился въ строй вмѣстѣ съ ними, металъ артикулъ ¹⁾ и билъ въ барабанъ, какъ простой барабанщикъ, предоставивъ исполненіе офицерскихъ обязанностей тѣмъ, кто лучше его и его сверстниковъ зналъ военное дѣло. Въ то же время онъ съ жаромъ занимался военными науками; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того какъ его затрудняло еще умноженіе простыхъ чиселъ, онъ могъ уже вычислить, какъ далеко полетитъ ядро, брошенное изъ пушки, и какъ обширно должно быть укрѣпленіе, чтобъ помѣститъ въ немъ такое-то число солдатъ, съ такимъ-то числомъ орудій. Вотъ почему Петръ скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ офицеровъ русской арміи, а современемъ, при необыкновенныхъ полученныхъ имъ отъ Бога дарованіяхъ, — однимъ изъ знаменитыхъ полководцевъ своего времени.

Никогда ничего подобнаго вышеприведенному не видѣли русскіе люди, никогда никто не слыхивалъ, чтобы царскій сынъ обучался строю, какъ простой солдатъ, чтобъ не только лично надзиралъ за строеніемъ судовъ, но и самъ, своими царственными руками брался за топоръ, или натягивалъ веревку у паруса. Сомнительно повачивали, глядя на это, своими сѣдыми головами старые бояре и наединѣ между собою говорили, что Царь дѣлаетъ потерку (роняетъ) царскому достоинству. Неодобрительно взирала на Петровы потѣхи и сестра его, Правительница Софія: она презрительно называла его потѣшныхъ конюхами; но, будучи умнѣ своихъ придворныхъ, она въ душѣ не презирала

¹⁾ *Метать артикулъ*—дѣлать примѣрные приемы ружьемъ для заряженія, стрѣльбы и пр.

это маленькое войско, горячо преданное своему Царю-товарищу и отлично обученное; она опасалась и этого войска и его молодого Повелителя.

Люди преданные Правительницѣ и желавшіе угодить ей шли еще дальше. Они сдѣлали однажды заговоръ, чтобъ ночью поджечь Преображенское и умертвить Петра. Для этого выбраны были люди, казалось, самые надежные; однако одинъ изъ нихъ смутился предъ исполненіемъ своего злодѣянія и открылъ заговоръ Петру, а тотъ поспѣшилъ укрыться съ Царицей-матерью и супругою своею въ одномъ изъ сосѣднихъ монастырей, въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, знаменитой по необыкновеннымъ своимъ богатствамъ и по славнымъ историческимъ воспоминаніямъ. ¹⁾

Прибывъ къ Троицѣ, Петръ извѣстилъ брата своего Царя Ивана о злодѣйскомъ замыслѣ приверженцевъ Правительницы и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы всѣ находившіеся въ Москвѣ полки немедленно слѣдовали къ нему, Петру. Царевна, отрицая обвиненія противъ своихъ друзей, старалась удержать при себѣ московскіе полки, и не могла: полки одинъ за другимъ, и даже многіе приближенные Царевнины, уходили къ Троицѣ и становились на сторону Петра.

Тогда Петръ написалъ брату: „Корона Россійская вручена Богомъ намъ двумъ, а между тѣмъ сестра наша учала владѣть своею волею. А теперь, Государь-братецъ, наститъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царство править самимъ, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами быти

¹⁾ Въ 1608—9 годахъ, когда Московское Царство разоряли Польскія и казачьи шайки, предводимыя самозванцами, Троицко-Сергіевская обитель выдержала 16-ти мѣсячную осаду и, удерживая подъ своими тѣнами лучшія силы враговъ, дала возможность Россіи собраться съ силами и отстоять свою пезависимость.

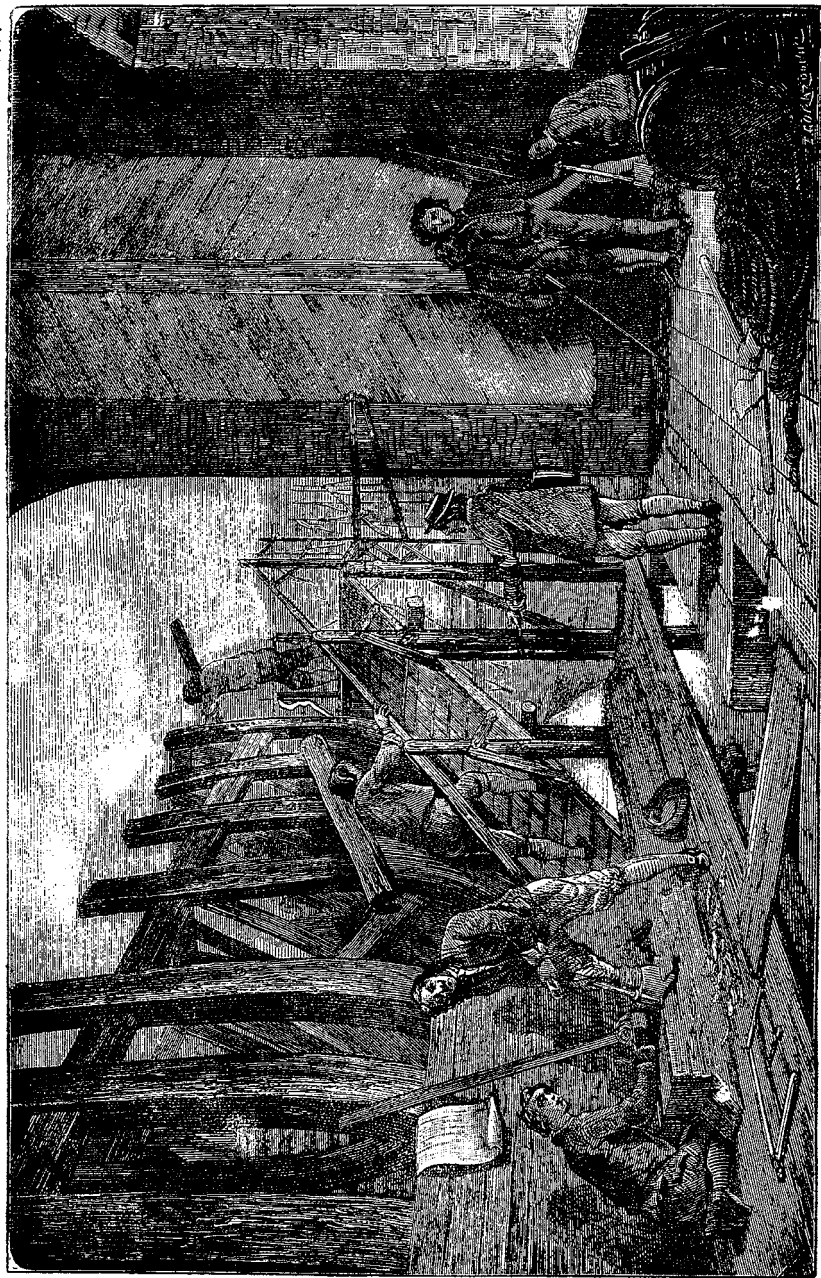
не изволяемъ“. — Больной и слабый Иванъ не противорѣчилъ брату, какъ прежде не противорѣчили сестрѣ и царица Софія была заключена въ монастырь на всю жизнь.

Скоро послѣ того скончался Царь Иванъ, и Петръ сдѣлался единымъ Царемъ Россіи.

Петру было уже 25 лѣтъ, и слишкомъ шесть лѣтъ онъ одинъ правилъ Россіей. Въ это время онъ пріучилъ русскихъ людей не удивляться многому такому, о чемъ и не слыхивали въ прежнее время; но въ 1697 году онъ затѣялъ такое дѣло, которое изумило и смутило даже его приближенныхъ: онъ вздумалъ отправиться въ чужія страны, чего не дѣлывалъ до него ни одинъ Государь Русскій. Мало-того, Петръ задумалъ отправиться не въ качествѣ Русскаго Царя, не для того, чтобы принимать выраженія пріязни и почтенія со стороны монарховъ западной Европы, не для того, чтобы веселиться въ блестящихъ европейскихъ столицахъ, — нѣтъ, онъ отправился въ качествѣ частнаго человѣка, съ цѣлю учиться тому, чему нельзя было въ то время научиться въ Россіи.

Прежде всего ему хотѣлось научиться кораблестроенію. Для этой цѣли полезнѣе всего была Голландія. Петръ туда и поѣхалъ со своими спутниками, а чтобъ его не узнали, онъ перемѣнилъ обыкновенную свою одежду и надѣлъ, по примѣру голландскихъ матросовъ, красную -фризовую куртку, холстинные шаровары и лакированную, круглую шляпу съ большими полями. Въ такомъ убранствѣ Петръ, съ нѣсколькими спутниками, подъѣзжалъ къ голландскому городу Саардаму, славившемуся кораблестроеніемъ, когда на встрѣчу ему попался одинъ голландскій мастеровой, котораго онъ видѣлъ въ Москвѣ.

„Квистъ, — закричалъ ему Царь, узнаёшь ли меня? Я пріѣхалъ погостить у васъ — въ Голландіи, и хочу у тебя остановиться“.

Царь В. въ Амстердамѣ работаетъ на верфи подь руководствомъ мастера, который приказываетъ ему помочь посилить бревна.

Удивленный Квистъ хотѣлъ назвать его Царскимъ Величествомъ, но Петръ велѣлъ ему молчать и сказалъ, что здѣсь онъ только Петръ Михайловъ.

И вотъ, Московскій Царь поселился въ домъ простаго кузнеца, въ двухъ маленькихъ комнатахъ, гдѣ вся его мебель состояла изъ одного стола и двухъ-трехъ дубовыхъ кресель. Впрочемъ въ этихъ комнатахъ онъ находился лишь въ короткія минуты отдыха, потому что весь день проводилъ за работой, съ топоромъ, молоткомъ и стругомъ въ рукахъ. Работа съ ранняго утра, рюмка водки съ кускомъ хлѣба и сыра послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжелаго труда, потомъ опять работа до вечера, а вечеромъ чтеніе писемъ и бумагъ, приходившихъ изъ Россіи, и отвѣты на нихъ, — вотъ жизнь Петра въ Голландіи. „Трудимся по завѣту праотца нашего Адама“, писалъ Петръ въ Москву, — и точно трудился!

При необыкновенной силѣ и удивительной смышленности своей, Петръ въ короткое время сдѣлался отличнымъ работникомъ и даже мастеромъ, (басомъ, по голландски) что не замедлило обратить на него вниманіе всѣхъ корабельщиковъ, а затѣмъ и тайна его званія не могла не разоблачиться.

Тогда изумленію голландцевъ не было конца. „Московскій Царь — между нами. Этотъ высокій, красивый работникъ — Русскій Царь“, говорили они другъ другу, и толпами сбѣгались, чтобы взглянуть на него, когда онъ возвращался съ верфи въ домъ Квиста. Это надоѣдало Петру, мѣшало ему, задерживало, отнимало у него время. Однажды онъ далъ полновѣсную пощечину одному толстому голландцу, который зазѣвавшись на него, загородилъ ему дорогу.....

Въ то же время когда Петръ царствовалъ въ Россіи, Королемъ бывшаго Польскаго Государства былъ Августъ I,

прозванный Силачемъ, потому что обладалъ необыкновенной силой. Петръ, также большой силачъ; сблизился съ Королемъ Августомъ; оба государя нерѣдко пиروвали вмѣстѣ, пробовали свою силу и всегда оставались довольны другъ другомъ.

Но за пирушками своими они не забывали и дѣла. Августъ открылся своему новому пріятелю, что онъ очень желалъ бы овладѣть Ливоніей, тою частью берега Балтійскаго моря, гдѣ находится большой торговый городъ Рига,—такъ какъ Ливонія-де отвоевана Швеціей у Польши и нѣкогда принадлежала послѣдней. Петръ съ своей стороны признался Августу, что ему было бы желательно возвратить Россіи отнятый у нея Шведами, лѣтъ за 50 передъ тѣмъ, берегъ Финскаго Залива съ теченіемъ Невы-рѣки; а такъ какъ въ Швеціи былъ въ это время государемъ чело-вѣкъ молодой и нѣсколько безпутный, Карлъ XII, то Царь и Король рѣшили соединенными силами начать противъ него войну.

Она была объявлена лѣтомъ 1700 года. Августъ двинулъ войска свои къ Ригѣ, а Петръ къ Нарвѣ, небольшой крѣпости принадлежащей Шведамъ ¹⁾. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII посадилъ на корабли небольшую, но отлично устроенную свою армію и высадился съ нею въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Нарвы. Царь спѣшилъ взять эту крѣпость до прибытія Шведовъ, но рать его была плоха, офицеры и генералы неискусны. Крѣпость держалась, а Шведы уже подходили.

Была глубокая осень, когда Шведы показались въ виду Нарвы. Русскіе стали приготовляться къ бою. 19 Ноября, какъ только разсвѣло, Шведы открыли изъ пушекъ

¹⁾ Нарва находится между Финскимъ заливомъ и Чудскимъ озеромъ, почти на границѣ Петербургской и Эстляндской губерній.

пальбу, на которую Русскіе отвѣчали тѣмъ же. Но вдругъ повалилъ густой снѣгъ; пальба съ непріятельской стороны ослабѣла. Что бы это могло значить? разсуждали наши генералы: за невозможностью-ли цѣлить перестали стрѣлять Шведы, или же они и вовсе ушли?.. Но пока дѣлались такія соображенія—разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ непріятельскіе батальоны показались передъ самыми жерлами нашихъ орудій и съ крикомъ кинулись на нихъ. Мгновенно овладѣвъ ими, они поворотили ихъ противъ насъ же и открыли убійственный огонь. Наша молодая необстрѣленная рать пришла въ ужасъ; конница первая пустилась на утекъ; за нею побѣжала и пѣхота. Суматоха сдѣлалась невообразимая. Всадники, пѣхотинцы, повозки съ провіантомъ и артиллерійскими припасами,—все это въ разсыпную бросилось назадъ, къ рѣкѣ, на которой, по удивительной оплошности, былъ построень одинъ только мостъ, да и тотъ не надежный: онъ обрушился подъ бѣгущими толпами.

Пораженіе было ужасное! Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и постыдное, ибо Русскихъ было не менѣе 30,000, а Шведовъ не болѣе 12,000.

Хорошій полководецъ, и притомъ не столько самонадѣянный, какъ Карлъ XII, кинулся бы вслѣдъ за бѣгущими полками нашими и истребилъ-бы ихъ въ конецъ. Но Король Шведскій вообразилъ,—что Россія уже раздавлена въ конецъ, что она не подыметъ, и обратился противъ Августа, разбилъ его близъ Риги и погнался за нимъ черезъ Литву въ Польшу; взялъ Варшаву и, лишивъ своего врага короны, далъ ее польскому шляхтичу, Станиславу Лещинскому.

Все это произошло, разумѣется, не такъ скоро, какъ здѣсь рассказано.

Карль оставался въ Польшѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ, хозяйничая въ ней и занимаясь ея дѣлами гораздо болѣе, чѣмъ своими собственными. Это было большое счастье для Россіи, ибо чрезъ это она получила возможность очнуться и оправиться отъ Нарвскаго погрома. Петръ былъ не изъ тѣхъ, что теряются и опускають руки послѣ первой неудачи. Онъ зналъ, что Россія богата силами; нужно было только время, чтобъ собрать эти силы. „Шведы, говорилъ Петръ, надъ нашими войсками викторію (побѣду) учинили; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную получили.“ Войско наше было дѣйствительно нестройно, худо обучено и вооружено. Поэтому Петръ сталъ, не теряя ни минуты, набирать новыя полки и обучать ихъ по тому образцу, какъ были обучены его Преображенцы и Семеновцы, которые одни не дрогнули подъ Нарвой и храбро дрались до конца.—Не зная, ни отдыха, ни усталости, Петръ всемъ распоряжался, всемъ руководилъ, поощрялъ дѣятельныхъ и строго каралъ нерадивыхъ. Дѣло шло о спасеніи отечества. Передъ этимъ смолкали все уваженія; не доставало денегъ въ казнѣ,—Царь требовалъ ихъ у частныхъ людей, бралъ изъ монастырскихъ кладовыхъ; не доставало мѣди на пушки,—онъ приказывалъ плавить колокола. За-то въ это время онъ и самъ не позволялъ себѣ съѣсть лакомага куска, проспять лишняго получаса. „Время смерти невозвратной подобно,“ писалъ онъ своимъ помощникамъ, которымъ также какъ и себѣ, не давалъ онъ ни отдыха, ни срока. Благодаря всему этому, черезъ годъ онъ уже могъ вывести въ поле порядочную армію и даже разбить нѣсколько мелкихъ шведскихъ отрядовъ, оставленныхъ Карломъ между Ригой и Нарвой. „Господа Шведы, говорилъ онъ, побьютъ насъ, можетъ быть, и еще не разъ; но у нихъ же мы научимся побѣждать ихъ.“

Предсказаніе это очевидно начинало оправдываться. Не болѣе какъ черезъ два года послѣ Нарвы, молодая ар-

мія Петрова овладѣла Шведскою крѣпостію, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера ¹⁾, затѣмъ полгода спустя, Петръ овладѣлъ и другою Шведскою крѣпостію, находившеюся близъ впаденія этой рѣки въ Финскій заливъ.

Такимъ образомъ исполнилось наконецъ горячее желаніе Петрово, — открыть произведеніямъ Русской земли выходъ къ морю не столь отдаленному, какъ Бѣлое. Невою и Ладожскимъ озеромъ, многочисленными рѣками, впадающими въ это озеро, другими озерами, изъ коихъ эти рѣки вытекаютъ и другими рѣками, вливающимися въ эти вторыя озера, могли отнынѣ двинуться къ морю и за море лѣсъ, смола, ленъ, хлѣба, полотно, канаты, — словомъ произведенія областей, находящихся въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ моря, а съ другой стороны, — товары, привозимые изъ-за моря, могли отнынѣ проникать въ срединныя области Россіи посредствомъ многочисленныхъ водныхъ путей, расходящихся изъ Невы и Ладожскаго озера.

Погруженный въ размышленія о такихъ послѣдствіяхъ завоеванія устья Невы, Петръ съ любимцемъ своимъ Меншиковымъ (который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ торговалъ пирогами на Московскихъ площадяхъ) выѣхалъ въ новопріобрѣтенное море и указывая на болотистый лѣсъ, среди коего виднѣлось устье Невы, сказалъ: „Здѣсь будетъ большой торговый городъ“ — и положилъ основаніе Петербургу ²⁾, гдѣ нынѣ живетъ болѣе 600,000 жителей, и куда приходятъ корабли изъ всѣхъ странъ свѣта.

¹⁾ Эта крѣпость, принадлежавшая нѣкогда Россіи, называлась Орѣшекъ; Петръ, овладѣвъ ею, далъ ей имя Шлюсенбургъ, то есть, *Ключъ-городъ*, — ключъ ко входу въ Неву и Финскій заливъ.

²⁾ Въ 1703 году.

Прошло пять лѣтъ послѣ основанія Петербурга; Карль все продолжалъ хозяйничать въ Польшѣ. Однако онъ подумывалъ и о томъ, что дѣлается у него за спиною, въ Россіи.

По сосѣдству съ бывшимъ королевствомъ Польскимъ находится, какъ извѣстно, Украина или Малороссія. Эта область населена Русскимъ народомъ, но такъ какъ она долго находилась подъ властію Польши, то тамошнее дворянство привыкло подражать Польскимъ панамъ: подобно имъ оно не дружно жило съ простымъ народомъ, принуждало вольныхъ казаковъ работать на себя и не любило, чтобъ въ его дѣла вмѣшивались царскіе воеводы, оказывавшіе защиту посполству (крестьянству). Управлялась Украина Гетманомъ, которымъ при Петрѣ былъ Мазепа, выросшій при дворѣ одного Польскаго магната и тянувшій на сторону Польши.

Съ нимъ, во время долгаго своего пребыванія въ Польшѣ, Карль завелъ тайныя сношенія. Карль обнадежилъ Мазепу, что разбивъ еще разъ Петра, онъ сдѣлаетъ его Украинскимъ княземъ и Польскимъ сенаторомъ, требуя за то, чтобъ Украинскіе казаки соединились со Шведами, когда послѣдніе вступятъ въ Россію. Мазепа не любилъ Петра, но и боялся его, поэтому онъ долго колебался; но наконецъ принялъ предложеніе Шведскаго Короля. Тогда онъ началъ мутить казаковъ и народъ Украинскій противъ Царя; распускалъ молву, что Царь-де хочетъ обратить казаковъ въ солдатъ, а крестьянъ переселить подъ Москву; что война ведется безъ надобности, по одной прихоти Царя, и что лучше бы не платить денегъ на войско, не поставлять подводъ подъ проходящіе полки лѣтомъ и не кормить ихъ зимой. Такіе толки, разумѣется, возбуждали въ народѣ неудовольствіе, а Мазепа отписывалъ Царю, что Украинскій народъ шатокъ, не надеженъ и что надо держать его строго; когда же Петръ разрѣшилъ строго по-

ступать съ ослушниками и порицателями царской воли, то Мазепа рассказывалъ своимъ приближеннымъ, что вотъ-де меня заставляютъ наказывать, а я желалъ бы только миловать.

Между тѣмъ, боясь, чтобы Царь не открылъ его лукавства, онъ торопиль Карла возвратиться въ Россію.

Во второй половинѣ 1708 года, т. е. почти черезъ восемь лѣтъ послѣ Нарвы, Шведскій король, покончивъ съ Польшей, поворотилъ къ Русской границѣ. Между тѣмъ, зная, что Русскіе войска уже не таковы теперь, какъ въ началѣ войны, онъ хотѣлъ собрать все свои силы и приказалъ одному изъ лучшихъ своихъ генераловъ, находившемуся близъ Риги, слѣдовать на соединеніе съ нимъ, въ Могилевъ. Но Петръ не дремалъ. Онъ кинулся на перерѣзъ и совершенно истребилъ войско, которое ожидалъ Шведскій Король. Это была большая и славная побѣда: — „Туть,“ писалъ Царь, „первая солдатская проба была и мать Полтавской баталіи.“

Дѣло было осенью; шли холодные дожди и распустили глубокую грязь; въ съѣстныхъ припасахъ у Шведовъ оказался недостатокъ, потому что при появленіи Шведовъ, Бѣлоруссы уходили сами въ лѣса и угоняли скоть, а казаки истребляли стоги съ хлѣбомъ. Такимъ образомъ оставаться Шведамъ на мѣстѣ значило умереть съ голода, а идти впередъ — потонуть въ грязи. Однако Карлъ рѣшился на послѣднее и повелъ своихъ измученныхъ солдатъ далѣе на Украину. „Дьяволъ его несетъ сюда“, воскликнулъ Мазепа, когда узналъ, что Карлъ потянулъ къ Малороссіи. И точно, обѣщанныя ему княжество и сенаторство были еще впереди, далеко, а Русскія войска и грозный Царь близко. Мазепа опасался, какъ бы не попасть на висѣлицу прежде, чѣмъ въ Польскій сенатъ. Поэтому онъ прикинулся больнымъ, сталъ писать Царю жалобныя письма, соборовался масломъ, вызвалъ архіерея, чтобы исповѣдать-

ся предъ смертью. Такъ хитрилъ этотъ старый лице-
мѣръ.

Вышло, что онъ перехитрилъ. Царь, встревоженный извѣстіями о тяжкой болѣзни Мазепы, послалъ къ нему Меншикова (бывшаго въ это время уже княземъ), а Мазепа вообразилъ, что измѣна его открыта и это царскій любимецъ ѣдетъ, чтобъ его арестовать. Поэтому узнавъ о приближеніи Меншикова, онъ немедленно велѣлъ трубить сборъ, и съ какими-нибудь бывшими при немъ 2000 казаковъ, да нѣсколькимъ десяткомъ таковыхъ же какъ онъ измѣнниковъ, опрометью пустился въ Шведскій станъ. Казаки дружно неслись на Шведовъ, удивляясь, откуда взялась такая бодрость у стараго, дряхлаго Гетмана, и только тогда поняли въ чемъ дѣло, когда шведскіе полки, разступившись при ихъ приближеніи, согнулись позади ихъ.

Царь долго не вѣрилъ измѣнѣ Мазепы, но наконецъ убѣдившись въ ней, закипѣлъ такимъ гнѣвомъ, что отъ него Мазепѣ, хотя и подъ защитой Шведовъ, пришлось дрогнуть. Немедленно онъ извѣщаетъ Украину и всю Россію о злодѣйскомъ поступкѣ Мазепы и приглашаетъ казаковъ избрать новаго гетмана, приказываетъ истребить до-тла замокъ, въ которомъ Мазепа жилъ, задумывалъ и совершалъ свое преступное дѣло, а изображеніе измѣнника публично вздернуть на висѣлицу. Наконецъ, по желанію Царя, духовенство торжественно предаетъ Мазепу анаемѣ, на память и устрашеніе грядущимъ вѣкамъ.

Мазепа думалъ оторвать отъ Россіи Украинскій народъ, пользуясь тѣмъ, что нѣкоторые паны были не довольны московскими порядками; но потому-то именно, что паны были ими недовольны, довольны были ими посполитые (крестьяне). Царскіе воеводы стѣсняли пановъ, но защищали посполитыхъ; русскіе полки казались угрозою дворянству, но посполитство смотрѣло на нихъ какъ на свою защиту. Замыселъ Мазепы разлетѣлся въ прахъ,

какъ сосудъ скудельный; казаки, посполитые и даже большинство пановъ присягнувъ Русскому Царю, когда онъ потребовалъ новой присяги, а имя Мазепы сдѣлалось, да и осталось до сихъ поръ, браннымъ, позорнымъ словомъ въ самой Малороссіи.

Послѣ мучительной осени въ Бѣлороссіи наступила для Шведовъ не менѣ мучительная зима, бывшая въ тотъ годъ необыкновенно суровою. Но наконецъ прошла и она; Шведская армія начала оживать съ весною. Она обложила Полтаву, въ которой находилось нѣсколько русскаго войска. Неподалеку были и главныя наши силы подъ командою стараго фельдмаршала Шереметева и Меншикова. Наши солдаты были лучше сбережены, нежели Шведскіе, ихъ было больше и они уже не боялись Шведовъ; въ нѣсколькихъ мелкихъ сшибкахъ близъ Полтавы они одерживали верхъ, и Карлъ XII принужденъ былъ сказать: „вижу, что мы научили Московитянъ воевать“.

Въ срединѣ лѣта, въ Іюнь, пріѣхалъ къ своей арміи и Царь. Найдя ее бодрою и готовою къ бою, онъ рѣшился дать своему противнику сраженіе. 20 Іюня (1709 года) Русскіе перешли рѣку Ворсклу и стали дѣлать окопы и укрѣпленія, изъ которыхъ предполагалось двинуться на Шведскій станъ; но нетерпѣливый Карлъ предупредилъ насъ. 27 числа рано утромъ съ русскихъ укрѣпленій увидѣли, что шведское войско становится въ ружье. Тогда и Царь отдалъ приказаніе готовиться къ бою. Крестьясь, становились солдаты въ ряды, и когда между ними установилась тишина, начальники прочли имъ Государевъ приказъ. „Пришелъ часъ“, писалъ Царь“, рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство Петру врученное. О Петръ же вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія во славу и благоденствіи для благосостоянія вашего“!

Еще послѣднія слова звучали въ сердцахъ и ушахъ Русскихъ воиновъ, какъ передъ рядами ихъ показался самъ Царь. Онъ былъ на маленькомъ, но бодромъ свѣтло-гнѣдомъ конѣ (чучело котораго тщательно сохраняется и до нынѣ), и въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ (который также сохраняется до сего дня).

Какъ подь Нарвой, Шведы первые ударили на Русскихъ, и ударили съ такою стремительностью, что наши понятились; но по Шведамъ открытъ былъ изъ нашихъ окоповъ жестокий пушечный огонь, который заставилъ ихъ отступить. Тогда вслѣдъ за ними спустился съ укрѣпленій Русскіе полки. Начался жаркій бой въ открытомъ полѣ. И Карлъ и Петръ не щадилъ своей жизни; у Царя шляпа была прострѣлена въ нѣсколько мѣстахъ; вокругъ Карла было перебито около двадцати человекъ. Но Русская сила одолѣла. Шведы начали подаваться назадъ, мѣшаться въ рядахъ и наконецъ побѣжали къ своему стану. Но Меншиковъ съ конницею примчался туда еще ранѣе. Увидя Русскихъ и впереди себя и сзади, Шведы окончательно потерялись, стали бросать оружіе и пустились въ разсыпную. Вслѣдъ за ними пустился Меншиковъ съ казаками, гусарами и драгунами. Только Мазепа и немногіе изъ свиты Королевской успѣли спастись. Спасся и самъ Карлъ; но его фельдмаршалъ и приближенный Министръ, его генералы и офицеры, не говоря уже о солдатахъ, — были забраны побѣдителями въ плѣнъ вмѣстѣ съ пушками, знаменами и казною.

Усталые солдаты наши радостно возвращались въ свои укрѣпленія и радостно кричали „ура“ своему Царю, когда онъ, весь въ пыли и въ пороховой копоти, подъѣзжалъ къ ихъ рядамъ. Онъ ласково кланялся имъ, махая своею прострѣленною шляпой; а когда они расположились вокругъ котловъ ѣсть кашу, онъ обходилъ ихъ кучки, шутилъ съ ними, благодарилъ за оказанное мужество и вы-

Полтавскій бой 27 Юня 1709 г. Передъ Петромъ В. повергають огнемъ шведскія знамена и приводятъ плѣн-
ныхъ шведскихъ генераловъ.

пиваль чарку солдатской водки за ихъ здоровье и за славу Россіи.

Въ тотъ же вечеръ во все стороны отправлены были гонцы съ радостною вѣстью и съ приказаніемъ звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ и пѣть благодарственные молебны Подателю побѣды.

Какъ ни рѣшительно было Полтавское сраженіе, оно не окончило войны. Карль успѣлъ пробраться въ Турцію и возбудить ее противъ Россіи. Между Царемъ и Султаномъ началась война, во время которой Петръ едва не погибъ со всею своею арміей; но эта неудача точно также не поколебала его, какъ и Нарвская. Онъ между тѣмъ возстановилъ на Польскомъ престолѣ своего союзника Августа и заключилъ дружественный союзъ съ королями Прусскимъ и Датскимъ для войны противъ Швеціи.

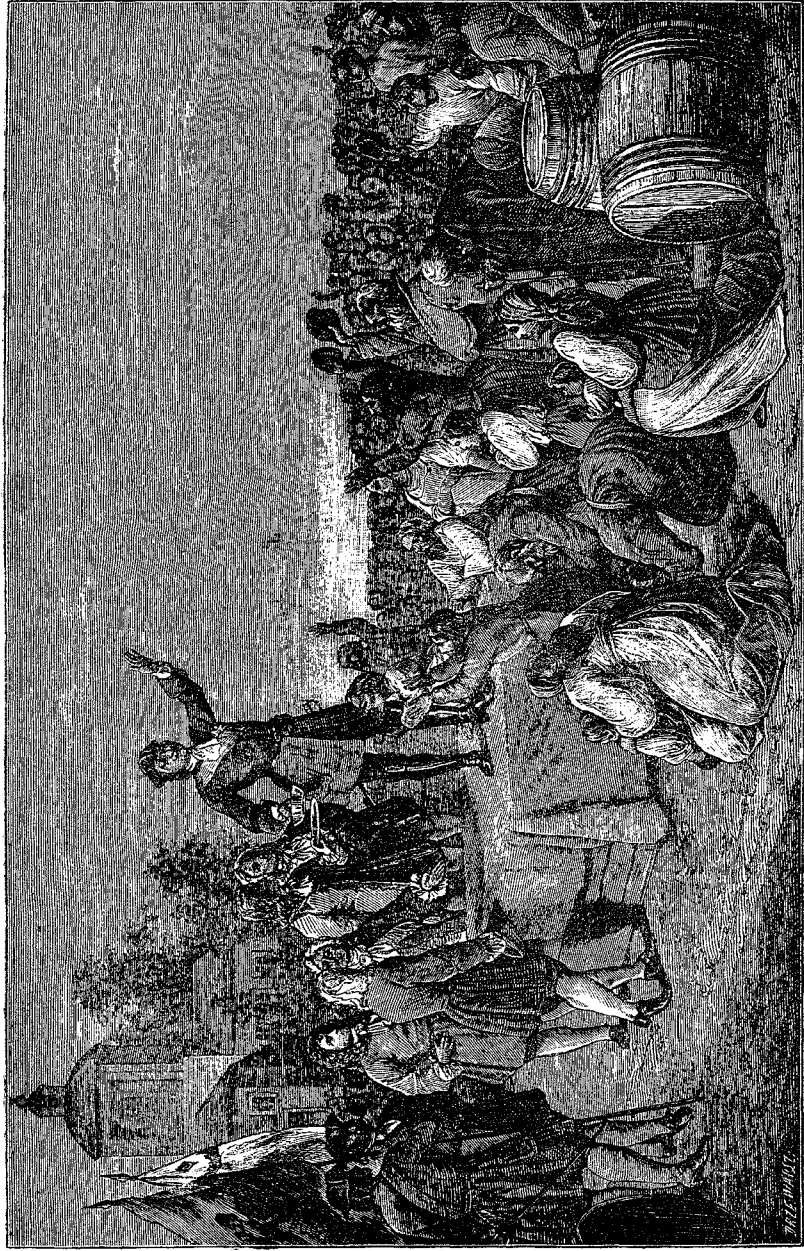
По счастью для этой послѣдней страны, Карль XII былъ убитъ въ сраженіи. Это открыло надежду на заключеніе мира; но пока министры Россіи и Швеціи договаривались, на какихъ условіяхъ заключить миръ, полки и корабли русскіе сражались со шведскими. Петръ, начавъ войну для того, чтобы доставить Россіи теченіе Невы и берегъ Финскаго залива, безъ уступки ихъ со стороны Швеціи не хотѣлъ мириться: это были старинныя русскія земли, вторично пріобрѣтенныя цѣною русской крови, — какъ же было разстаться съ ними, да и справедливо ли? Но кромѣ этихъ земель Петръ завоевалъ и Ригу и многіе другіе города и земли вокругъ нея. По договору съ Августомъ эти города слѣдовали ему, но за что же было завоеванное Петромъ отдавать Августу? Царь не хотѣлъ уступать своихъ завоеваній и далъ въ такомъ смыслѣ приказъ своимъ министрамъ, договаривавшимся о мирѣ. Шведы находили требованія Петра чрезмѣрными и, предвидя что Россія чрезъ пріобрѣтеніе земель отъ устья Невы до устья

Западной Двины сдѣлается сильнѣйшею державою на сѣверѣ, не соглашались на миръ и истощали послѣднія свои средства на вооруженія.

Ожидая, что война еще продлится, а переговоры придется прервать, Царь отправился изъ Петербурга осматривать пограничныя мѣста, и слѣдовалъ по той самой дорогѣ, на которой находился городокъ, гдѣ происходили переговоры. Это было въ самыхъ первыхъ числахъ Сентября, 1721 года. Царь ѣхалъ погрузясь въ глубокую думу о томъ, что если велики выгоды, ожидаемыя отъ войны, то велики и тягости, которыя она принуждала переносить народъ; онъ зналъ, что Россія, хотя и торжествующая, очень истощена этою войною, продолжавшеюся уже слишкомъ 20 лѣтъ, а потому, разсуждалъ онъ, не отказаться ли отъ Риги съ тѣмъ, чтобы скорѣе добыть миръ?... Такъ размышлялъ Петръ, когда вдали по дорогѣ показался столбъ пыли и сталъ быстро приближаться. „Курьеръ! Что новаго?“ вмѣсто отвѣта курьеръ подаетъ только что подписанный мирный договоръ, которымъ весь морской берегъ отъ Риги до Петербурга укрѣплялся на вѣки за Россіей.

Тутъ же, на большой дорогѣ, Царь написалъ въ Петербургъ и отправилъ съ тѣмъ же курьеромъ: „Сего моменту получили мы вѣдомость, что Всемилостивый Господь Богъ двадцати-одно-лѣтнюю войну пожелаемымъ миромъ кончилъ, который заключенъ въ прошломъ мѣсяцѣ (августѣ) въ 30 день. И такъ, прошедши троевременную школу, такъ кровавую и жестокую и весьма опасную, нынѣ незаслуженною отъ Бога милостію такой миръ получили,— чѣмъ вамъ и поздравляемъ!“

Сдѣлавъ нужныя распоряженія, чтобъ бесполезное кровопролитіе не продолжалось ни одного лишняго часа, Петръ отправился и самъ въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ туда безъ свиты, на небольшомъ суденышѣ, но съ пушечными выстрѣлами. Тамъ тотчасъ поняли что значать эти выстрѣлы и по чьему приказанію они производятся. За-

Традиціоніс Нінгедаскаго міра 4 Сентябра 1721 г. Цетръ вйді нвъ Гроншкй цркви, обьявляеть народу о счастливомъ заключенні міра и тутъ же, стоя на рудкуѣ, шеть за его здоровье.

слышавъ ихъ, всякъ бросаль дѣло, какъ бы важно оно ни было, и бѣгомъ отправлялся къ берегу, чтобъ поклониться Царю-побѣдителю, и поздравить его съ окончаніемъ военныхъ тревогъ. Вслѣдъ за Царемъ толпа повалила въ Троицкій соборъ, а выйдя оттуда она увидѣла нѣсколько бочекъ вина и пива, выгаченныхъ по Царскому приказанію изъ сосѣдняго погреба. Петръ подошелъ къ одной изъ этихъ бочекъ и, зачерпнувъ ковшомъ водки, при грохотѣ побѣдныхъ выстрѣловъ сказалъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, — прекратилъ и даровалъ намъ счастливый миръ“.

— Когда дѣло дѣлать, то не нѣжиться, а коли веселиться, то не оглядываться, — таково было правило Петра. Теперь настало время заслуженнаго отдыха и невозбраннаго веселья, — и Петръ самъ подалъ тому примѣръ, какъ подавалъ онъ примѣръ труда. Трое сутокъ пиравалъ онъ со своими приближенными, которые дѣлили съ нимъ труды и опасности минувшей войны, а для простаго народа на площадяхъ выставлены были жаренные быки и устроены фонтаны бившіе виномъ. Главнымъ участникамъ въ военныхъ и гражданскихъ подвигахъ розданы были чины-ордена, почетныя званія и деревни, а плательщикамъ податей прощены недоимки; должники, содержавшіеся въ тюрьмахъ, и вообще всѣ преступники, кромѣ убійць, были освобождены и прощены, даже самымъ жестокимъ злодѣямъ смягчены были наказанія: вся Россія должна была ликовать.

Но въ Россіи есть одинъ городъ, выдѣляющійся изъ числа прочихъ: это древняя ея столица Москва. Петръ, — онъ пранялъ титулъ Императора по заключеніи мира съ Швеціей — Петръ повеселилъ новый Петербургъ, —

надо было потѣшить и старую Москву. Въ концѣ того же 1721 г. онъ отправилъ туда свои гвардейскіе полки и слѣдомъ за ними отправился самъ съ своими министрами, генералами и адмиралами. Съ начала войны онъ хотъ и часто бывалъ въ Москвѣ, но пріѣзжалъ туда запросто, за дѣломъ; теперь онъ вступалъ въ нее окруженный блескомъ и величіемъ, при колокольномъ звонѣ, при громѣ пушекъ и звукахъ музыки, предшествуемый побѣдоносными полками и окруженный безчисленными толпами народа.

Это было зрѣлище торжественное; нѣсколько времени спустя происходило зрѣлище смѣхотворное. Государь вздумалъ показать москвичамъ флотъ; а такъ какъ Мосеварѣвка узка и мелка, а въ то время была скована льдомъ, то этотъ флотъ долженъ былъ прогуляться по московскимъ улицамъ на полозьяхъ. Для этого было построено множество судовъ, конечно не такихъ огромныхъ, какъ настоящія, морскія, однако далеко превосходившихъ размѣры даже самыхъ большихъ повозокъ. Эти суда были поставлены на полозья, и на множествѣ впряженныхъ въ нихъ коней или другихъ животныхъ, въ назначенный день потянулись они одно за другимъ по московскимъ улицамъ. Шествіе открывалъ одинъ старикъ, извѣстный въ свое время пьяница; онъ сидѣлъ въ красномъ плащѣ на высокомъ, утвержденномъ на саняхъ, креслѣ или тронѣ, опираясь ногами на огромнѣйшую бочку; шесть медвѣдей везли эти сани. За ними слѣдовали верхомъ на волахъ шесть такихъ же горьенхъ пьяницъ, какъ и первый, тоже закутанные въ красныя мантии. Далѣе слѣдовали сани запряженные четырью пестрыми свиньями, а за ними, на особыхъ саняхъ, ѣхалъ человекъ, одѣтый въ ткань тѣлеснаго цвѣта, какъ-бы голый, съ короной на головѣ, изображавшій баснословнаго бога морей (Нептуна), за коимъ уже слѣдовала сухопутная флотилія. На первомъ суднѣ находился Царскій любимецъ князь Меншиковъ, окруженный множествомъ людей въ различныхъ странныхъ одеждахъ; на

слѣдующемъ — известный въ свое время вельможа князь Ромодановскій, тоже со свитой странно-одѣтыхъ людей; Генераль-адмираль графъ Апраксинъ ѣхалъ на баркѣ съ мачтами и парусами, а за нимъ и Государь на огромномъ суднѣ, которое тащили шестнадцать коней; на этомъ суднѣ поставлено было нѣсколько маленькихъ пушекъ, которыя палили поочередно, и воздвигнуты были три мачты со снастями и полнымъ такелажемъ, до послѣдней бичевки; матросами на этомъ суднѣ были мальчишки 8—9 лѣтъ, которые съ удивительнымъ проворствомъ лазили по веревочнымъ лѣстницамъ, поднимали и убирали паруса, словомъ исполняли всѣ матросскія обязанности. За Государевымъ кораблемъ слѣдовалъ корабль Государыни; этотъ корабль былъ крытый; Императрица сидѣла большею частью въ каютѣ, или корабельной комнатѣ, и только иногда выходила вмѣстѣ съ дамами своей свиты на верхъ, чтобъ показать свои дорогіе мѣха, жемчуга и бриліанты, и чтобъ отъ времени до времени поклониться народу.

Петръ не забылъ старую Москву, средоточіе своей державы; не забылъ онъ и стараго ботика, отъ котораго носило начало русскаго флота, а флотъ много помогъ и успѣху войны и благополучному ея окончанію. Послѣ смерти Карла XII, хотя и было со стороны Швеціи выказано больше прежняго готовности къ миру, но пришлось доказывать ей, что продолженіе войны гораздо тяжелѣе ей, чѣмъ Россіи. Это удалось доказать именно при помощи флота. На судахъ были перевезены въ Швецію русскіе поля, которые выжгли и раззорили множество шведскихъ селъ и городовъ, да и въ самой ея столицѣ произвели великую тревогу. Только послѣ этого погрома, и опасаясь, чтобъ онъ не повторился, Шведы пошли на уступки и наконецъ подписали мирный договоръ.

Поэтому Петръ счелъ справедливымъ почитать особымъ торжествомъ русскій флотъ въ лицѣ его родоначальника, его дѣдушки, стараго ботика. Онъ былъ привезенъ на подводахъ изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы сдѣлать смотръ своимъ внукамъ. Верстахъ въ 25 отъ Петербурга есть небольшой островъ, мимо котораго должны проходить корабли плывущіе съ моря къ Петербургу. Этотъ островъ былъ укрѣпленъ Петромъ, вооруженъ пушками и сдѣлался защитою молодой столицы русской со стороны моря. Укрѣпленія эти называются Кронштатомъ. Тамъ же сооружено мѣсто для безопаснаго пристанища кораблей, и тамъ-то устроено было торжество дѣдушки русскаго флота.

Въ назначенный день всѣ наши военные корабли собраны были въ виду Кронштата, за исключеніемъ одного, посланнаго въ Петербургъ за ботикомъ. Приблизившись къ Кронштату, онъ остановился и спустил на воду дряхлаго дѣдушку. Его встрѣтили старѣйшіе адмиралы, въ томъ числѣ Петръ Михайловъ (Государь). Они взошли на ботикъ и, помѣстившись одинъ на руль, прочіе на веслахъ, повели эту маленькую скорлупу, съ трудомъ справляющуюся съ морскою зыбью, къ гордо покачивающимся кораблямъ. Какъ только приблизился ботикъ, на всѣхъ судахъ заиграла музыка, грянули выстрѣлы и раздалось громкое ура; а онъ, этотъ карликъ - Дѣдушка подходилъ то къ одному, то къ другому изъ своихъ исполиновъ-внуковъ, и вездѣ, куда онъ приближался, его привѣтствовали выстрѣлы и крики ура, и барабанный бой, и музыка. Затѣмъ съ прежнимъ цереміаломъ онъ былъ отведенъ къ кораблю, который привезъ его въ Кронштатъ, и который, принявъ его на себя, доставилъ обратно въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ поставленъ въ послѣдствіи въ особо устроенномъ для него зданіи для защиты отъ непогодъ.

Тамъ онъ покоится и до нынѣ, какъ предметъ чествованія всёхъ русскихъ людей. Только во дню празднованія 200 лѣтней памяти Петра Великаго его покой былъ потревоженъ: онъ былъ доставленъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, чтобъ дать возможность посмотрѣть на него и поклониться ему тысячамъ людей всякаго званія, собравшимся къ этому дню въ старую нашу столицу.

Петръ, какъ уже было сказано, женился рано и рано имѣлъ дѣтей. Первенцемъ его былъ царевичъ Алексѣй, который по стародавнему обычаю и почитался наследникомъ Русскаго престола. Петръ приставилъ къ нему съ раннихъ лѣтъ учителей и наставниковъ, но, къ сожалѣнью, эти учителя и наставники нерадиво или неискусно исполняли свои обязанности; притомъ Царевичъ, по своей природѣ, такъ же чуждался труда, какъ Петръ любилъ его, а потому, разумѣется, онъ и не дѣлалъ успѣховъ въ ученьи. Однажды, прослышавъ, что Государь хочетъ испытать, чему онъ выучился, Алексѣй, опасаясь Царскаго гнѣва, нарочно ранилъ себѣ руку выстрѣломъ изъ пистолета чтобъ уклониться отъ испытанія.

Видя отвращеніе Царевича отъ ученья, да и отъ всякаго труда вообще, тѣ, которые сами наклонны были къ лѣни и тяготились Петровыми требованіями, стали лнуть къ Царевичу, поглажая дурнымъ его наклонностямъ. Пить, и пить много не считалось тогда стыдомъ; друзья Царевича приучили его къ бражничеству, и когда онъ бывалъ во хмѣлю, наговаривали ему на отца. Государь не милостивъ и суровъ, говорили они; никому нѣтъ покоя отъ него, и всякая вина у него виновата. Онъ любитъ нѣмцевъ и одѣвается самъ какъ нѣмецъ, а русскими обычаями гнушается, — обрилъ бороду и обрѣзалъ фалды у кафтановъ: такъ говорили наушники. Между ними были и лица духовнаго званія. Не довольные тѣмъ, что Петръ и отъ нихъ требовалъ труда и порядка, они внушали Алексѣю, что отецъ

его и въ вѣрѣ не ерѣпокъ; другіе, прибѣдываясь пророками, предсказывали, что скоро провалится Петербургъ, что всё новыя затѣи Петровы разлетятся яко прахъ, и что самъ Царь проживетъ недолго: при этомъ Царевичу внушали, что отъ него, Царевича, весь народъ ожидаетъ возвращенія къ древнему благочестію вмѣстѣ съ старыми порядками и со старою лѣнью.

Всѣ эти коварныя рѣчи, при нелюбви Царевича къ отцу, довели его до того, что онъ, — какъ самъ впослѣдствіи признавался, — сталъ желать отцовской смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ помышлять о томъ, какъ, сдѣлавшись Государемъ, онъ поворотитъ все на прежній путь. Петръ замѣчалъ, что сына его окружаютъ недобрые люди, что вокругъ него порицается то, что съ такимъ трудомъ устраивалось, что на него возлагаютъ надежды всѣ недовольные новыми порядками, и съ своей стороны тоже охладѣлъ къ сыну. Онъ сталъ даже помышлять о томъ, слѣдуетъ ли допустить царствовать послѣ себя человѣку явно враждебному всему новому порядку вещей. Однажды онъ написалъ къ Алексѣю такое письмо: „Я есмь человѣкъ и смерти подлежу: то кому все, съ помощью Вышняго насажденное, оставлю? Тому, иже уподобися лѣнивому рабу евангельскому, веопавшему талантъ свой въ землю?.. Чтѣ я съ горестью помышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ (завѣщаніе) тебѣ написать и еще мало пождать, аще не лицемѣрно обратишься. Если же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангранный (какъ членъ зараженный) и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрасѣу пишу; во истинну, Богу извольшу, исполню; ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный“.

Получивъ это громовое письмо, Алексѣй послалъ за

своими друзьями, дабы посовѣтоваться, что́ ему дѣлать.

— „Напиши отцу, рѣшили они, что ты царствовать не желаешь; вѣдь это не запись съ неустойкой.“ Царевичъ такъ и сдѣлалъ; но Петръ, можетъ быть, угадывая лукавство въ столь безотговорочномъ отреченіи отъ престола, потребовалъ, чтобъ Царевичъ принялъ монашество, если не желаетъ царствовать: „нельзя-де оставаться ни рыбой ни мясомъ.“

-- Ну чтожь, заговорили царевичевы пріятели, и на это можно согласиться: „клубукъ вѣдь не гвоздемъ къ головѣ прибить.“

Царевичъ написалъ въ такомъ смыслѣ отвѣтъ отцу. Получивъ этотъ отвѣтъ, Петръ крѣпко задумался. Жаль ему было падѣть на сына черный клубукъ вмѣсто короны; да и то представлялось ему, что и въ самомъ дѣлѣ клубукъ не трудно будетъ сбросить Алексѣю, если ему представится возможность добыть корону; а къ чему это приведетъ? Ни къ чему иному, какъ къ смутамъ въ государствѣ; можетъ быть къ войнѣ согражданъ между собой.... Царъ написалъ сыну: „Ты желаешь постричься: монашеская жизнь не легка молодому человѣку; одумайся не спѣша. Подожду еще полгода.“

Все рассказываемое здѣсь происходило еще до заключенія мира со Швеціей, а потому, написавъ это письмо, Петръ поѣхалъ за границу, къ войскамъ своимъ.

Прошло полгода; онъ написалъ сыну: „срокъ истекъ; поступаи въ монастырь, или пріѣзжай ко мнѣ въ армію.“ Ъду къ тебѣ, отвѣчалъ Царевичъ, и точно поѣхалъ.... только не къ отцу, а къ родственнику жены своей, къ Германскому или Цесарскому Императору, въ Вѣну. Отецъ меня ненавидитъ, а любимцы его ищутъ моей гибели. Укройте меня! спасите меня, восклицалъ онъ, прерывая слова свои рыданіями и кидаясь на колѣна передъ цесарскими министрами.

Германскій Императоръ собралъ свой совѣтъ и сталъ

думать, что́ ему дѣлать: дать пріютъ Царевичу значило поспорить съ Петромъ; съ другой стороны, услуга, оказанная Царевичу, могла представить со временемъ возможность вмѣшаться въ дѣла Россіи, дать ей Государя отъ руки своей, а слѣдовательно рассчитывать на его благодарность. Рѣшено было принять Алексѣя, но содержать его тайно. Такъ и было сдѣлано. Его вмѣстѣ съ женщиной, съ которой онъ былъ въ связи, — простою чухонкой, — отправили въ одинъ пустынный замокъ среди гористой, лѣсистой и безлюдной мѣстности.

Петръ, узнавъ объ исчезновеніи Царевича, разослалъ гонцовъ во всѣ государства, чтобъ его отыскивать. Искали долго, но наконецъ нашли. Тогда Царь написалъ Императору, требуя выдачи сына и грозя въ противномъ случаѣ „за эту несносную намъ и чести нашей обиду отместить;“ но такъ какъ Императоръ зналъ, что силы Петра заняты еще шведской войною и что отместка невозможна въ близкомъ будущемъ, то онъ только перевелъ Алексѣя въ другое, еще болѣе отдаленное мѣсто.

Алексѣй считалъ себя здѣсь вполнѣ безопаснымъ; но онъ боялся, что въ Россіи его или забудутъ, или сочтутъ умершимъ, а потому нашелъ нужнымъ извѣстить о себѣ нѣкоторыхъ преданныхъ ему сановниковъ на тотъ конецъ, чтобы не быть устраненнымъ отъ престола въ случаѣ смерти отца: „когда будетъ время безъ батюшки, говорилъ онъ, молвлю архіереямъ, а они священникамъ, а священники прихожанамъ, — тогда и не хотя владѣтелемъ учинять.“ Такимъ образомъ Царевичъ явно не думалъ исполнять своего заявленія объ отреченіи отъ престола, но замышлялъ явиться послѣ смерти отца своего въ Россію, сдѣлаться соперникомъ того, кто былъ-бы назначенъ на слѣдникомъ престола и слѣдовательно произвести всеобщую смуту.

Но посланные Петромъ люди нашли Царевича въ новомъ мѣстѣ его жительства. Они даже успѣли сло-

нить его къ возвращенію въ Россію. Онъ возвратился, но тотчасъ же былъ преданъ суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Приговоръ этотъ впрочемъ не былъ исполненъ, но потому что Царевичъ не перенесъ тяжелаго заключенія, въ которомъ находился во время суда; онъ умеръ черезъ два дня послѣ подписанія приговора.

Вообще Петръ не былъ счастливъ въ своемъ семействѣ. Въ весьма молодыхъ лѣтахъ, какъ сказано, по волѣ матери своей онъ женился, но привязанности къ супругѣ не имѣлъ, а она, въ свою очередь, окружила себя людьми не расположенными къ новому порядку вещей и порицателями Государя, за что была заключена въ монастырь, а Царь женился во второй разъ. Вторая его супруга имѣла много дѣтей, но всѣ они умирали въ раннемъ возрастѣ такъ что, когда скончался царевичъ Алексѣй, то единственною мужскою отраслю Царскаго дома былъ младенецъ, его сынъ. Доживетъ-ли этотъ младенецъ до совершеннолѣтія? Доживетъ-ли самъ Царь до того времени, когда этотъ младенецъ достигнетъ совершеннолѣтія? или же придется ему оставить неоконченное дѣло свое на помеченіе ребенка, да и наконецъ, ребенокъ этотъ, придя въ возрастъ, не послѣдуетъ-ли примѣру отца, и не станетъ-ли разрушать дѣла своего дѣда?... Вотъ тѣ мысли и сомнѣнія, которыя отравляли послѣдніе годы Петра Великаго.

Но чѣмъ менѣе онъ могъ рассчитывать на будущее, тѣмъ болѣе спѣшилъ создать при жизни своей. Дѣятельность не измѣняла ему до самой смерти, — а смерть между тѣмъ приближалась.

Черезъ три года по заключеніи мира со Шведами, въ 1724 году, осенью, онъ вздумалъ осмотрѣть пороховой заводъ, находящійся вблизи Петербурга. Петръ отправился туда моремъ. Проплывъ нѣсколько верстъ, онъ вдругъ за-

мѣтилъ, при наступившей темнотѣ, небольшое судно, наполненное солдатами, которое страшно раскачивало расхлывшимся волненіемъ и наконецъ бросило на мель. Государь послалъ лодку, чтобы спасти погибавшихъ. Между тѣмъ они находились въ водѣ; ихъ окачивало холодными ноябрьскими волнами. Нетерпѣливому Петру показалось, что помощь этимъ несчастнымъ оказывается не довольно дѣятельно, а потому онъ самъ съѣлъ въ шляпку и, прибывъ на мѣсто, прыгнулъ въ воду, чтобы помочь вытаскивать оконечившихъ отъ холода солдатъ. Они были спасены, но самъ Петръ заболѣлъ, и заболѣлъ опасно.

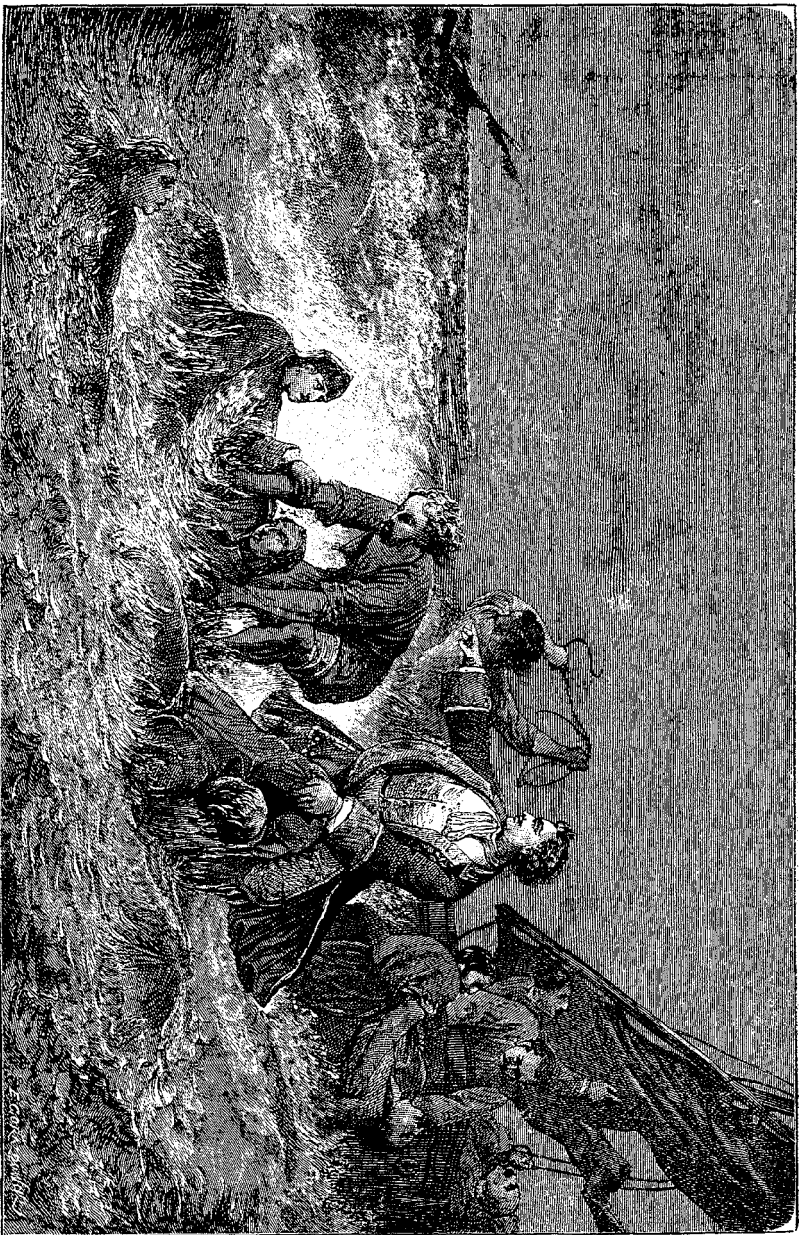
На этотъ разъ однако искусство врачей спасло его. Но едва оправившись, онъ принялся за работу: началъ по прежнему ѣздить въ Сенатъ, осматривать постройку судовъ, сочинять указы и регламенты, оставляя лишь нѣсколько часовъ для необходимаго сна. Въ добавокъ онъ жестоко простудился на церемоніи водоосвященія (6 Января). Собрались врачи и объявили, что положеніе его опасно. Однакожь онъ всталъ съ постели; богатырскія его силы побѣдили болѣзнь, но не надолго: семнадцатаго Января онъ снова слегъ въ постель, — на этотъ разъ чтобы не вставать болѣе.

Лекарства уже не помогали; силы Петра быстро упали; страданія вызывали изъ груди его вопли, похожіе на рычаніе льва. „Изъ меня познайте“, сказалъ онъ однажды окружающимъ, „сколько бѣдное созданіе есть человѣкъ“.

Одинадцать дней этотъ исполинъ боролся со смертью, и наконецъ смерть побѣдила: 28 Января 1725 года грозныя очи его сомкнулись на вѣки.

Съ небольшимъ черезъ 50 лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго другой великій Государь русскій, Императрица

Иерус. В. на Явуръ, снискать попованихъ матросовъ, во время бунта 1 Нюбюри 1724 года.

Екатерина II соорудила ему превосходный памятникъ. Въ двухъ-сотъ-лѣтній день его рожденія происходило на всемъ пространствѣ Русскаго Государства торжественныя поминовенія по немъ, а старый Дѣдушка русскаго флота совершилъ по этому случаю поѣздку въ Москву. Разнымъ учрежденіямъ, какъ напримѣръ академіямъ, а также военнымъ судамъ, даже городамъ даютъ нерѣдко Петрово имя; наконецъ о Петрѣ столько написано, и ежедневно продолжаютъ печатать на всѣхъ языкахъ, что сочиненіями о немъ можно было бы наполнить многіе шкафы.

Все это признаки, что память о Петрѣ не умираетъ между образованными людьми. Но долго думали, что народъ, простой народъ забылъ Петра. Это оказалось однако совершенно несправедливымъ: недавно напечатанъ Сборникъ стиховъ и пѣсенъ о Петрѣ, записанныхъ со словъ русскихъ крестьянъ и вообще простолюдиновъ, и это собраніе составляетъ довольно толстую книгу. Нѣтъ, не забылъ простой русскій людъ своего Царя-Батюшку, своего Царя-Бѣлаго, котораго онъ называетъ первымъ Императоромъ на землѣ. Вездѣ, во всѣхъ концахъ Россіи сохранились о немъ рассказы, которые дѣды передаютъ внукамъ: здѣсь показываютъ церковь, въ которой Петръ отслушалъ, проѣздомъ, заутреню; тутъ — домъ, въ которомъ онъ ночевалъ; въ другомъ мѣстѣ показываютъ внуку крестьянки или мѣщанки, у которой Государь крестилъ ребенка, или изъ рукъ которой онъ принялъ рюмку водки, — а ее самое удостоилъ поцаловать въ лобъ. Въ какомъ нибудь глухомъ селѣ совершенно неожиданно скажутъ вамъ иногда: а вотъ какъ-то давно проѣзжалъ здѣсь Царь Петръ Алексѣевичъ и собственноручно изволилъ пустить кровь женщинѣ, которая мучилась въ родахъ, или что онъ нагрѣлъ бока дубинкой подъячему, уличенному во взяткахъ.

Мало того; о Петрѣ ходятъ въ народѣ рассказы баснословные, какъ о сказочныхъ богатыряхъ. Рассказываютъ напримѣръ, что онъ запретилъ сорокамъ прилетать въ Пе-

тербургъ; утверждаютъ, что стоило ему хоть на голомъ камнѣ посадить дерево, и оно принималось, а въ доказательство указываютъ на многія рощи, насаженныя имъ собственными руками, на деревья, воткнутыя имъ въ землю корнемъ вверхъ и которыя по-нынѣ растутъ и зеленеютъ. Такими чертами изображаетъ простой русскій людъ необыкновенную живучесть всего содѣянаго Петромъ Великимъ.

